

Талант, труд, мастерство

Скромно вошел в латышскую музыку композитор Ромуальд Калсон. В 1960 году он окончил консерваторию по классу композиции профессора А. Скулте. Ранее он закончил хороводирожерский факультет музыкального училища имени Язепа Медыня. Но прошло немногим более пяти лет, и сформировался интересный, своеобразный и глубоко мыслящий композитор, автор ряда значительных произведений различных жанров, занимающих важное место в латышской советской музыке.

Если охватить взглядом путь молодого композитора, то отчетливее всего выступает одна очень важная особенность его индивидуальности: творческое лицо Р. Калсона формируется как-то очень последовательно, целенаправленно и интенсивно. От произведения к произведению углубляется содержание, расширяется круг образов, жанров, оттачивается мастерство, обогащается гармонический и интонационный язык, палитра художника становится все свежее, обретая более современное и действенное звучание. И это не случайно. За всем этим чувствуется тонкая интуиция и пылкий поиск талантливого музыканта.

Со студенческих лет и до недавнего времени Р. Калсон увлекался преимущественно сочинением вокальной музыки — сольных песен (их у него около 100) и хоровых песен (около 30).

Здесь особенно выделяются его циклы песен для голоса и фортепьяно на слова поэта Омара Хайяма (1958 год), бельгийского поэта Мориса Карема (1959 г.), французского поэта Жака Превера (1960 г.), испанского поэта Фредерико Гарсиа Лорки (1961 г.), Евгения Евтушенко (1962 г.) и цикл «Говорит современник» на слова латышских советских поэтов (1963 г.).

Песни из цикла на слова Карема (5 песен) являются образцом интимной, несколько меланхоличной лирики и написаны простыми музыкальными средствами, искренне и

тепло, но весьма наивно. Но уже в следующем цикле на слова Жака Превера (6 песен) ощущается более углубленный подход к раскрытию содержания. Эмоциональность здесь уже не столь элементарна, более многопланова. Более напряжены и действенны интонационный и гармонический язык. Мелодика приобретает психологически углубленный характер. Фортепьянная партия уже является не простым сопровождением голоса, а раскрывает психологический подтекст стиха, создает эмоциональную атмосферу и колорит каждой песни.

В песнях на слова Е. Евтушенко (7 песен) композитор идет еще дальше по этому пути, он стремится не только воссоздать психологически достоверный музыкальный образ, отталкиваясь от текста каждой песни. Слушая их, мы чувствуем, что, несмотря на все тематическое различие между отдельными песнями цикла, автор нашел для всех их общий ключ, общий тон, колорит — мужественный, внутренне динамичный, серьезный. В этом как бы выражается отношение композитора к творчеству поэта.

Это стремление к психологической достоверности музыки является, пожалуй, одной из основных особенностей композиторского дарования Р. Калсона. Именно здесь следует искать ключ к пониманию и его инструментальной музыки, которой композитор в последние годы отдает все большее предпочтение. Так, за короткий период, примерно с 1962 года, им написан ряд произведений в различных инструментальных жанрах — Сюита для флейты. Квintет для духовых инструментов, Соната и Каприччио для скрипки, Симфонизмта, «Пассакаля» для органа и, наконец, Симфония. Все они свидетельствуют, что Р. Калсон стремительно и все увереннее овладевает спецификой инструментального мышления, принципами развития инструментальной формы, мастерством оркестрового письма.

Немало положительного было отмечено в свое время критикой после ис-

полнения его Сонаты для скрипки и фортепьяно и Симфонизмта. Однако сейчас, после того, как недавно впервые по радио прозвучала Симфония, можно сказать, что это произведение открывает новый этап в творческой биографии молодого композитора.

Симфония — развернутое четырехчастное произведение, глубоко психологическое сочинение. Музыка здесь чужда какой-либо картинной живописности. Восприятие жизни выступает перед нами как бы через призму личных переживаний автора. И в то же время Симфония далека от субъективной узости музыкальных образов. Наоборот, во всем здесь чувствуется значительность и размах мысли, глубина философских обобщений. Это как будто психологическая исповедь нашего современника, человека глубоко мыслящего и остро чувствующего.

Перед нами проходит цепь психологических состояний, объединенных одним замыслом, одной идеей. И здесь основную, ключевую роль играет первоначальный образ симфонии. На фоне гулкой, мерной поступи тяжелых шагов, полифонически переплетаясь, задумчиво и сосредоточенно, как навязчивая мысль, развивается безыскусная, простая тема, полная внутреннего человеческого волнения. Именно эта тема приобретает в симфонии важнейшее значение. На ее мелодической основе строятся почти все остальные темы произведения. Неизменно трансформируясь, видоизменяясь, она приобретает звучание то настороженно тревожное, то иронически колючее, то эмоционально задушевное, то остро гротескное. Поэтому очень логичным и естественным кажется появление этой темы в ее первоначальном виде в заключении симфонии. На фоне мерных ударов, звучащих теперь как мощный набат, тема развивается напряженно и интенсивно. Она как бы подводит итог всему, утверждая гуманистическую идею произведения — силу человеческого чувства, человеческой мысли.

Это произведение написано с полным увлечением и слушается с большим интересом. Музыкальные образы развиваются интенсивно и насыщенно. Оркестровый ряд красочен и разнообразен. Хотелось бы лишь посоветовать автору настойчивее работать над поисками более яркого индивидуализированного и остро динамичного тематического материала, а также избегать таких стилистических неровностей, когда отдельные разделы Симфонии написаны как бы в различной манере, в различном ключе.

Ромуальду Калсону сейчас 29 лет. Уже немало достигнуто и, конечно, еще больше предстоит сделать. Главное у Калсона еще впереди. Его энергия, целенаправленность и трудолюбие — залог новых творческих свершений.

СОВЕТСКАЯ ЛАТЫША

Г. Рига

7 4 ДЕК 1961